



Дана Хадсон

**Лед и роза**

«Автор»

2016

**Хадсон Д.**

Лед и роза / Д. Хадсон — «Автор», 2016

Порой поступки родителей отбрасывают мрачную тень на жизнь детей. И нужно сначала разобраться с прошлым, чтобы жить настоящим.

© Хадсон Д., 2016

© Автор, 2016

# Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

# **Дана Хадсон**

## **Лед и роза**

Эта книга предназначена исключительно для Вашего личного пользования. Она не может быть перепродана или отдана другим людям. Если Вы хотели бы поделиться этой книгой с другими, пожалуйста, купите дополнительную копию для каждого получателя. Если Вы читаете эту книгу и не покупали ее, или она не была куплена только для Вашего использования, то, пожалуйста, купите свою собственную копию.

Спасибо за уважение к нелегкой работе автора.

## Глава первая

Дженни с все возрастающим негодованием слушала нудные сентенции брата. Она любила Клайва, но как ее порой доставали его обвинения в неумении жить! У каждого свое понятие о счастье, но Клайв, как обычно, был на сто процентов уверен в собственной правоте.

Клайв, в свою очередь, с недоумением смотрел на сестру. Он ее совсем не понимал. Как можно в двадцать лет увлекаться какой-то там музыкой? Ну, если бы это был рок или, на худой конец, попса, он бы понял. И влюбленность в какого-нибудь юношеского поп-кумира вполне в духе времени, но любить Гайдна! Он снова обвиняющее уставился на портрет парня в старомодном прикиде, стоявшем у сестры на туалетном столике.

– И что ты в нем нашла?

– Я люблю не самого Гайдна, он жил в восемнадцатом веке, а его музыку. – Дженни в который раз пыталась доказать брату право на свои собственные пристрастия. – А ты считаешь, что лучше б я ходила на дурацкие рок-лайны?

– На этих рок-лайнах можно с нормальным парнем познакомиться, а в своей филармонии или оперном театре с кем ты познакомишься? Со столетним стариканом?

Дженни могла бы сказать, что на симфонические концерты и оперы ходит и молодежь, но промолчала. Стремление брата пристроить ее в хорошие руки обескураживало. Ну, какая ему разница, познакомится она с хорошим парнем или нет? У него своя жизнь, полная новых встреч и знакомств, у нее своя, не такая насыщенная, но от этого не менее интересная.

– У меня полно знакомых парней.

– Ты в них своего рода подружек видишь. Ты хоть на одно настоящее свидание ходила? Дженни призадумалась. Честно призналась:

– Если с поцелуями, то нет. Меня это не интересует.

Клайв по-женски всплеснул руками.

– Вы только послушайте ее! – патетично заявил он каким-то невидимым зрителям, поскольку в комнате они были одни. – Ее это не интересует! – И обвинил сестру: – У тебя какие-то психические отклонения, это точно! Парни тебя не интересуют, зато ты тащишься от классической музыки!

– Знаешь, братец, если ты ничего в классике не понимаешь, это не значит, что все, кому она нравится, с приветом! – Дженни начала по-настоящему злиться, что с ней бывало крайне редко.

– Не все, но ты – точно! Ты же все свои карманные деньги просаживаешь на уроки музыки! И это в твои годы!

Он сказал это с таким священным ужасом, будто она делала что-то непотребное. Мари-хуану курила, по меньшей мере. Дженни невольно засмеялась.

– Мне это нравится, пойми! Я же не запрещаю тебе каждый вечер проводить в бассейне! Хотя мне это кажется диким.

Клайв отмахнулся.

– Бассейн не удовольствие, это здоровье. А здоровье – это деньги. А деньги – это достойная жизнь.

– А достойная жизнь в твоём понимании – это посещение бассейна каждый день. Круг замкнулся. Я тебя поняла. Ты тоже фанат. Только достойной жизни. А мне нравится искусство. И отстань от меня, понятно!

Но Клайв не собирался сдаваться. Все-таки единственная сестра, жалко ее. Кто же еще о ней позаботится, на ум наставит, как не старший брат?

– Давай я тебя с классным парнем познакомлю? А то ты так и не узнаешь, как живет нормальная молодежь. Попробуй, тебе понравится, вот увидишь!

– Это ты меня с троглодитом с накаченной мускулатурой и с одной извилиной в голове хочешь познакомить? Который даже не будет знать, кто такой Бах?

– А что? Нормальные парни такими и бывают. Зачем им знать, кто такой Бах? Достаточно, что они знают, кто такие Дэвид Бэхем, Уэйн Руни, Стивен Джеррард. Что ты имеешь против, не пойму?

Дженни устала от этого безрезультативного спора, тем более, что он повторялся каждый раз, как Клайв оказывался в Лондоне. Брат после окончания колледжа жил в Лидсе, работал на машиностроительном заводе. И это было замечательно, потому что после приездов брата четыре раза в год Дженни долго не могла прийти в себя. Вполне можно было навещать ее и пореже.

– Он хоть встряхнет тебя немного! Ты на себя посмотри, что ты в этой жизни видишь? Студенческие годы самые веселые в жизни, а ты только и делаешь, что шатаешься с учебы на занятия музыкой. Да еще часы берешь в музыкальном центре для игры на своей пианинке! Редкая удача, что в квартире у вас с Мари инструментов нет. Гитара не в счет. Ты на ней почти и не играешь. А зря. Под нее песни петь куда приятнее.

Дженни в самом деле предпочитала играть на фортепьяно, но оскорбительный тон брата ее покоробил. Но возразить не успела, Клайв рьяно продолжал:

– Мне порой кажется, что ты принца какого-то ждешь. Или маркиза по меньшей мере. Фантазерка ты, Дженни. Помни – маркизы на простолоудинках не женятся. Особенно если те помешаны на классической музыке. А принцы все пристроены. Так что бросай свои фантазии и знакомься с обычными парнями. А то останешься в старых девах, как тетя Беатрис, и будешь вековать с кошками.

У тети Беатрис, дальней родственницы отца, и в самом деле было то ли пять, то ли шесть кошек, и вообще она была дамой со странностями, поэтому такая перспектива Дженни не понравилась.

– Не останусь, не думай! Вот назло тебе познакомлюсь с настоящим маркизом и выйду за него замуж!

Клайв издевательски расхохотался.

– Где тебе! Ты за простого-то парня замуж выйти не в состоянии, а за маркиза и не думай! Хвастуша! Где ты его найдешь, маркизы в открытом доступе на улицах не встречаются! Подумай сначала, потом спорь!

– Спорим! На что хочешь! – Дженни уже не могла остановиться.

Клайв высокомерно согласился:

– Ладно! Спорим! Если ты в течение полугода выходишь замуж за маркиза, я отдаю тебе свой велосипед, а если нет, ты мне свою гитару!

Заклады были не равнозначными, велосипед был старым и потрепанным, а гитара дорогая и с прекрасным звуком, но распаленная спором Дженни не стала привязываться к такой ерунде.

– Договорились!

Они пожали друг другу руки в знак уговора. Желая прекратить бесконечный спор, Дженни многозначительно посмотрела на старые настольные часы с позолоченными херувимчиками, украшавшие ее съемную квартиру.

– Ты же вроде на свидание торопилась? – она сделала вид, что напрочь о нем забыла, хотя Клайв, придя к ней, первым делом сообщил, что хочет встретиться с Доминикой, своей лондонской подружкой. Но Доминика Дженни не нравилась, она тоже любила позанудствовать на ее счет, поэтому Дженни проигнорировала просьбу брата предупредить его, когда будет семь часов.

Клайв тоже посмотрел на часы и вскочил.

– Почему ты мне об этом раньше не сказала? Я же тебя просил! Если Доминика уйдет, не дождавшись меня, виновата будешь только ты!

Он принялся натягивать куртку, одновременно звоня по сотику. Последнее, услышанное Дженни от любящего брата, были слова, обращенные к его подружке:

– Бегу, бегу, моя радость! Извини, задержался, сестренке помогал. Ты же знаешь, какая она беспомощная!

Дженни фыркнула. И почему Клайв считает, что нужно непременно найти какого-нибудь тупого парня, чтобы стать счастливой? Вот она счастлива, когда просто занимается музыкой. И никто ей не нужен.

На следующий день после занятий в лондонской школе экономики, где она училась на третьем курсе, Дженни сняла неудобную форменную одежду, переделалась в привычные джинсы и свободную футболку. Подходило время занятий у миссис Джонс, преподавательницы музыки. Она взяла нотную папку, засунула ее в сумку, чтобы не привлекать к себе внимания любопытствующих, накинула легкую серую куртку, на улице было прохладно, и отправилась на станцию метро.

Толкаясь среди массы самого разного народу, мечтала о порталах, как в книгах Джоан Роулинг о Гарри Поттере. Только без волшебного порошка, что-то попроще. Взмахнул рукой, портал открылся, ты в него вошел, и уже на месте. Все-таки ехать в предместье, где жила ее преподавательница музыки, не ближний свет. Но, как известно, охота пуще неволи.

До зеленого коттеджа миссис Джонс, до самой крыши увитого плющом, Дженни от станции метро дошла пешком. Она любила ходить по тихим улицам пригорода. Туристов и празднующихся разных мастей здесь не было, поэтому без изучающих взглядов она чувствовала себя комфортно и спокойно.

Миссис Джонс открыла дверь сразу, едва гостя взялась за язык дверного колокольчика. Улыбнувшись и поздоровавшись, провела в музыкальную комнату, обитую золотистой звуконепроницаемой пробкой, где Дженни села на круглый твердый стул и принялась за гаммы, разогревая руки.

Старинный немецкий рояль фирмы «Bluthner» звучал мягко и насыщенно. Дженни знала, что миссис Джонс приглашала мастера для его настройки каждые полгода, поэтому и тон у него был таким чистым. Как приятно прикасаться пальцами к клавишам настоящей слоновой кости! Конечно, этот замечательный инструмент не сравнить с расстроенным пианино, на котором она занималась по вечерам в музыкальном центре. На этом она бы могла играть вечно!

Дженни посмотрела на сидевшую рядом в кресле миссис Джонс, и снова поразила ее неувядающей красотой. Особенно красивы были у нее глаза, синие, большие, на удивление приветливые. И вся она была такой располагающей, что при одном ее виде хотелось улыбаться.

Но миссис Джонс была печальной. Постоянно. Дженни не знала, отчего, миссис Джонс о своей жизни никогда не рассказывала. Дженни не понимала, почему такая симпатичная женщина живет одна, ведь у нее должна быть масса поклонников. И она, как обычно, выдумала душещипательную историю: миссис Джонс ужасно любила своего мужа, а он скоропостижно умер. Поэтому она всегда грустит и ходит в темных платьях. Есть ли у нее дети, она не знала. Наверное, нет, потому что за три года занятий она ничего о них не слышала.

Единственное, что Дженни знала: родители миссис Джонс скончались в прошлом году один за другим, перед этим долго проболев. Миссис Джонс трогательно ухаживала за ними, но спасти не смогла. Их утрата была тяжелым ударом для нее, и в прошлом году она даже на целый месяц отменила все занятия с учениками, понесла немалые убытки. Дженни было жаль свою преподавательницу, но что она могла поделать?

Играя сонату Гайдна, одну из своих самых любимых, Дженни бросала взгляды на выразительное лицо своей учительницы. Оно то хмурилось, то прояснялось. Дженни знала, отчего. В местах, где она не дотягивала до профессионала, миссис Джонс хмурилась. Но что поделаться, соната была трудной, а она вовсе не выдающийся пианист. Да и не стать ей никогда профессиональной пианисткой, она этого и не хочет. Играет она исключительно по зову сердца.

После урока миссис Джонс заметила:

– В этот раз ты играла без обычного увлечения, Дженни. Тебя что-то отвлекло. Ты не влюбилась, случайно?

Дженни удивилась. Обычно миссис Джонс не интересовалась личными делами учеников, это не соответствовало ее представлению об этикете.

– Нет. Просто я вчера поспорила с братом и до сих пор не могу успокоиться. Он меня старше на пять лет и постоянно учит жить. Ну, вы знаете, как это бывает: он знает все, а ты не знаешь ничего. В общем, я немного разозлилась.

Миссис Джонс грустно улыбнулась.

– Не знаю. У меня нет ни братьев, ни сестер. И я очень об этом сожалею. Но я вполне представляю твое состояние. Надеюсь, в следующий раз ты придешь ко мне в более уравновешенных чувствах.

Дженни пообещала лучше владеть собой и ушла, рассеянно глядя по сторонам. В голове снова принялись звучать слова Клайва, что она не умеет жить, что она беспочвенная фантазерка, что ей нужно встречаться с нормальными парнями и что маркизы не для нее. А вот она возьмет да и познакомится с настоящим маркизом! И замуж за него выйдет назло Клайву! Вот тогда он узнает! Хотя ей и сейчас не нужен его дряхлый велосипед, а будучи маркизой и подавно, она его все равно заберет! Из принципа!

В старинном здании отеля «Rubens at the Palace» было тихо и пустынно. Сидевший за стойкой портье с неодобрением оглядывал мужчину неопределенных лет в поношенных джинсах и китайской куртке, терпеливо дожидавшегося ответа Риккардо Сантоса, одного из постоянных клиентов отеля. Наконец в трубке внутреннего телефона прозвучало нетерпеливое «слушаю!».

Портье быстро произнес, по опыту зная, что богатые постояльцы оценивают минуты если и не в золоте, то в фунтах стерлингов точно.

– Добрый вечер, мистер Сантос! К вам с визитом мистер Смит.

Он мог бы поклясться, что стоящий перед ним господин такой же Смит, как он папа римский, но на его вышколенной физиономии не отразилось и сотой доли его скептиса.

– Просите его ко мне, я жду его уже пять минут! – безапелляционно приказал Сантос.

Портье позволил себе слегка скривить кончики губ. Именно пять минут этот самый мистер Смит и стоял перед ним в ожидании ответа высокопоставленного клиента, отнюдь не украшая своей плебейской физиономией благородный интерьер отеля.

– Мистер Сантос примет вас в своем номере!

– Маркиз Сантос, между прочим! – мужчина метнул на портье насмешливый взгляд и быстро пошел к лифтам.

Портье презрительно прошептал ему вслед:

– Да кто этого не знает, филер нахальный!

Мужчина постучал в дверь номера. Послышался нетерпеливый возглас: «войдите!»; он зашел в номер. Мистер, или, вернее, маркиз Сантос сидел за письменным столом красного дерева и быстро стучал сильными пальцами по клавиатуре ноутбука. Быстрым взмахом руки указал на стул перед собой. Гость сел и слегка поежился: в номере было прохладно.

Маркиз заметил это и пояснил:

– Здесь нет центрального отопления, здание старое. Считается, что в этом его особенность. Можно включить электробатарею, но я считаю, что в прохладе лучше мыслить.

Гость кисло заметил:

– Я в курсе. Я родился и вырос в Лондоне. Но мне никогда не понять, для чего терпеть лишения за такие деньги. Да и номер малюсенький.

Маркиз не считал, что «Rubens at the Palace» такой уж дорогой отель, к тому же никаких лишений терпеть в принципе не собирался, поэтому сухо произнес:

– Номер меня вполне устраивает. Главное, что отель в центре Лондона, все рядом.

– Конечно, Букингемский дворец под боком. Говорят, по утрам отсюда слышен цокот копыт лошадей из дворца. Это так?

– Так, – прекращая непродуктивный разговор, маркиз спросил: – Вы выполнили задание?

Мужчина вытащил из неприметного портфельчика тоненькую картонную папку.

– Здесь все, что вы хотели узнать, маркиз. Я проверил – миссис Джонс все так же живет по этому адресу. Не замужем, детей нет.

Сантос резким движением подтянул к себе папку. Нанятый им детектив ждал, что клиент тут же ее откроет, но тот с каким-то непонятным чувством постучал по корешку указательным пальцем и произнес красивым баритоном:

– Благодарю вас. Вам добавить за срочность?

Детектив решительно отказался.

– Нет, спасибо. Заплачено вполне достаточно. К тому же я уже вплотную приблизился к тому опасному порогу, за которым увеличиваются налоги. Так что разрешите вас покинуть.

Сантос молча кивнул, и гость вышел, чуть поклонившись на прощанье. Несмотря на сдержанность и повелительные манеры, маркиз ему импонировал. Было в нем что-то располагающее. Хотя красивые люди всегда к себе располагают, таково уж свойство красоты. А маркиз был очень привлекателен. Высокий, стройный, смуглый. И из-под черных волос неожиданно сверкали ярко-синие глаза.

– Да уж, без английской крови дело явно не обошлось. Недаром он выяснял об этой дамочке, миссис Джонс. И кто она ему? Жаль, что поручение сводилось к одному: узнать, живет ли она по прежнему адресу и ее семейное положение. Было бы куда интереснее заглянуть в ее прошлое. Ну да ладно, деньги получены хорошие, можно об этом дельце и забыть.

После ухода детектива Риккардо Сантос несколько минут все так же равномерно постукивал пальцами по корешку папки. Что за блажь пришла ему в голову разыскать свою мать, он не понимал. Забыв о сыне, она столько лет не подавала о себе вестей, что с его стороны было просто глупо о ней вспоминать. Но что-то глубоко внутри грызло его, заставляя встретиться и поговорить.

Может быть, детские воспоминания, в которых она была нежной и ласковой? И веселой. Он помнил, как мать в ярком нарядном платье играла на стоявшем в малой гостиной фортепьяно, они вместе пели забавные детские песенки и громко смеялись.

Особенно запомнился беззаботный смех, потому что потом смеха в его жизни было очень мало. Вся его высокородная родня была чрезвычайно чопорной. С самого раннего детства он слышал от бабки, высокородной доньи Аделины, маркизы Сантос, одно: ты должен, должен, должен... Как ему это надоело!

О своей матери он слышал только плохое. Вся его родня была уверена: она недостойна благородного звания супруги испанского аристократа! После первой же встречи с ней они предупредили дону Диего, его отца, что она слишком живая и беззаботная, чтобы стать ему хорошей женой, и оказались правы. Порой Риккардо казалось, что осознание своей правоты гораздо более удовлетворяет донью Аделину, чем возможное счастье сына.

Теперь у Риккардо появилась возможность встретиться с матерью и посмотреть на нее своими, а не чужими, глазами. Адрес у него есть. Нужно только взять машину и доехать до Сент-Олбанса, пригорода Лондона. Каких-то два часа, и он увидит мать.

Он встал и принялся ходить из угла в угол, стараясь развеять сомнения энергичным движением. Номер был устлан старинными коврами с длинным мягким ворсом, и движение по ним походило на прогулку по поляне с густой травой. Это мешало думать, и он снова сел за стол, взяв в руки папку с бумагами. Решительно развязал тканые завязки и вынул первые фотографии. На него смотрело милое бледное лицо с легкими тенями под глазами. Видимо, детектив сфотографировал ее в каком-то бутике, потому что сзади виднелись ряды то ли продуктов, то ли бытовой химии. Миссис Джонс смотрела куда-то вдаль, рассеянно улыбаясь.

Сантос прикрыл глаза, стараясь успокоиться. Это, без сомнения, была мать. Хотя в палаццо не осталось ни одной ее фотографии, в его памяти сохранился ее облик. Она осталась такой же красивой, что и в его воспоминаниях, только в уголках глаз притаились морщинки, и в густых светлых волосах можно было разглядеть серебристые паутинки.

Он прерывисто вздохнул, вмиг припомнив свое детское горе.

Нужно ли ему ехать к матери? Двадцать лет они не видели друг друга, зачем видаться сейчас? От бабки он знал, что мать получила весьма приличные отступные, единственное условие, поставленное при этом отцом, – никогда не встречаться ни с ним, ни с сыном, – она выполнила безоговорочно.

Сколько ему было, когда она ушла? Семь или восемь? Он этого не помнил. В памяти остался только ласковый голос и теплые руки, которыми она обнимала его очень, очень часто. Он любил мать, и ее уход воспринял слишком болезненно. Может быть, еще и потому, что отец после разрыва с женой практически перестал с ним общаться? Повзрослев, он решил, что Диего не считает себя его отцом, отсюда и пренебрежение единственным сыном.

Узнав о его сомнениях, донья Аделина рассказала, что сразу после ухода матери была сделана генетическая экспертиза, и он признан законным наследником рода Сантос. А демонстративное игнорирование отца относится к матери, на которую он похож. Просто он оказался между молотом и наковальней. Или, как думал Риккардо, стал «свинкой в серединке» из старинной английской поговорки.

Он всю жизнь слышал версию отцовской родни о расставании родителей, в которой во всем была виновата мать. А что думает об этом она сама? Неужели она и в самом деле предпочла отцу другого? Но кого? Диего и сейчас настоящий идальго, похожий на благородных средневековых рыцарей, а в те годы был на редкость красивым мужчиной. Риккардо несколько раз пытался выяснить у бабки подробности расставания родителей, та ничего не отвечала. Или не знала, или не хотела говорить.

Как-то раз он набрался смелости и спросил об этом у отца. Тот сквозь зубы проскрипел: – Не знаю и знать не желаю!

Пришлось удовлетвориться этим странным ответом.

Теперь он может узнать истину, или хотя бы версию противоположной стороны. Неужели он, как истинный юрист, упустит такую возможность? Конечно, он поедет.

По привычке протянул руку к телефону, чтоб вызвать своего водителя, но рука повисла в воздухе. Если Педро повезет его в пригород Лондона, где у него заведомо нет никаких деловых интересов, об этом тут же станет известно всем сотрудникам фирмы. И уж точно его секретарше Пепите, которая непременно поделится своими сомнениями с доньей Аделиной.

Риккардо давно подозревал, что она наушничает бабке о его делах. Донья Аделина несколько раз демонстрировала поразительную осведомленность в том, о чем знал только он сам и его секретарша. Увольнять Пепиту он не собирался, специалистом она была знаю-

щим и расторопным, но доверять не доверял. Да и где гарантия, что бабка не подкупит и следующую секретаршу? Все продается, была бы предложена достойная цена.

Решил ехать не на своей машине, а вызвать такси. Это не Мадрид, который он знал как свои пять пальцев, а неудобный для жизни слишком большой Лондон. Через полчаса таксист, молодой чернокожий парень с длинными, переплетенными в множество косичек волосами, мчался по трассе, что-то занудно напевая себе под нос. С пассажиром не разговаривал, чему Риккардо был только рад. Ему не хотелось говорить ни о чем. Душу захлестнули горестные воспоминания, справиться с которыми не было никакой возможности.

Они подъехали к невысокому старому зданию, потемневшая кладка которого скрывалась за разросшимся темно-зеленым плющом. Риккардо расплатился с таксистом, тот умчался, мигнув на прощанье красными огоньками задних фонарей.

Риккардо поставил ногу на высокую ступеньку входной лестницы и замер, оглядывая окрестности. Стандартный английский коттедж. Узкий фасад, два этажа и мансарда. Интересно, мать снимает этот дом или он куплен на деньги, что дал отец при разводе? Двери основательные, из массива дуба. Не проломишь. На окнах зеленые поддоны с яркими розовыми цветами, вдоль стен разбиты клумбы с такими же розовыми цветочками. Никакой изгороди вокруг дома нет. Земли мало или нет желания отгораживаться от прохожих?

Он посмотрел на другие дома, отстоящие от коттеджа на несколько десятков метров. Они тоже были затянuty многолетним плющом, делавшим их похожими друг на друга, как близнецы, и отделялись от тротуара лишь узкой полоской цветов. Похоже, здесь так принято.

Риккардо вспомнил родовой особняк, обнесенный внушительной чугунной оградой. Красивое палаццо, но помпезное и денежнозатратное. Хорошо, что доходы семьи позволяют его содержать. Он знал много родовых поместий, поменявших хозяев из-за того, что обедневшие аристократы оказались не в состоянии поддерживать прежний уровень жизни, и теперь в огромных средневековых замках и палаццо в лучшем случае размещались отели.

У него самого несколько раз мелькала мысль превратить огромное палаццо деда в доходный туристический комплекс, благо до Мадрида было рукой подать, но сказать об этом деду значило навлечь на себя упреки в небрежении традициями их знатного рода. Сейчас, после его смерти, можно попытаться поговорить об этом с отцом, наследником родового имени, но вряд ли этот разговор будет успешным. Отец любое его предложение всегда встречал насмешками, даже не выслушав.

Тетя Долорес как-то раз со свойственной ей бесцеремонной прямоотой сказала, что в сыне Диего видит не наследника, а предавшую его жену. Риккардо втайне пожалел отца, ведь как нужно было любить, чтобы потом с такой силой ненавидеть не только ее, но все, что хоть чуть-чуть о ней напоминало! Но и себя ему тоже было жаль, ведь, по сути, он вырос сиротой при живых родителях.

Отвлекая его от размышлений, к дому подошла невысокая тоненькая девушка. Риккардо встрепенулся. Она не была красавицей, но в ней было что-то на редкость притягательное. Может быть, чуть заметная улыбка, или открытый взгляд серых глаз? Он привык к зазывным взглядам чернооких красоток, прямо говоривших ему, что он завидный жених, и мельком брошенный на него взгляд озадачивал. В самом деле он ей неинтересен или это уловка, чтобы привлечь его внимание? На девушке были серые джинсы и свободная ветровка, то, что называют «унисекс», и что никак не подчеркивало женскую привлекательность.

К дверям они подошли одновременно. Риккардо молча поклонился, пропуская ее вперед. Она с удивлением на него посмотрела.

– Вы тоже на урок к миссис Джонс?

Риккардо чуть заметно поморщился. Он знал, что после развода мать вернула девичью фамилию, но она все равно резала ухо.

– Нет, я к ней по личному делу. А у вас урок?

Девушка кивнула головой и решительно дернула за шнур потемневшего от времени бронзового дверного колокольчика. По дому разнеслись высокие резкие звуки. Риккардо удивился. Какой анахронизм! Неужели нельзя сделать что-то более современное и гораздо более благозвучное?

Через пару минут тяжелая дверь распахнулась. На пороге стояла стройная женщина средних лет с дружелюбной улыбкой в строгом темном платье, украшенном у ворота камеей в античном стиле. Она была такой располагающей, что Риккардо вмиг понял отца. Что это мать, он ни мгновенья не сомневался. И не потому, что час назад видел ее фотографии, а потому, что у него как-то по-особенному ёкнуло сердце.

Риккардо жадно рассматривал мать, и она недоуменно спросила:

– Дженни, добрый день! Этот господин с тобой?

Та отрицательно качнула головой.

– Нет, он к вам.

Миссис Джонс пристально посмотрела на незваного гостя. В ее глазах появилось недоверчивое изумление. Она отошла назад, сделав приглашающий взмах рукой. Они прошли в просторную прихожую.

Хозяйка перевела растерянный взгляд на напольные часы в углу и воскликнула:

– К сожалению, сейчас урок, у меня нет времени на частные разговоры. Извините, пожалуйста.

Риккардо благовоспитанно предложил:

– Я могу зайти попозже. Только скажите, во сколько.

Миссис Джонс на минуту задумалась.

– В принципе, вы можете подождать в гостиной. Там есть телевизор и книги, так что скучать вам не придется. Минут сорок, если вы не торопитесь.

Риккардо в очередной раз удивился. Впускать в дом незнакомца? А если он вор или бандит? Какое легкомыслие! Но спокойно согласился:

– Замечательно! Скучать я не буду, у меня с собой айфон. – И он вынул из кармана телефон. – Поработаю, пока вы занимаетесь.

Дженни повернулась и быстро пошла по коридору, не оглядываясь. Внезапно Риккардо захотелось, чтобы она еще раз посмотрела на него и улыбнулась своей на удивление приятной улыбкой. Но Дженни не обернулась. Досадливо пожав плечами, он пошел за матерью в другую сторону.

Внутри коттедж оказался гораздо больше, чем снаружи. Вглубь он тянулся метров на пятьдесят. По узкому коридору с темными дубовыми панелями в буколическом стиле, украшенными довольно искусно вырезанными виноградными гроздьями, миссис Джонс привела гостя в симпатичную полукруглую комнату с высокими узкими окнами. Усадила в кожаное кресло рядом с фигурным торшером и приветливо проговорила:

– Надеюсь, скучать вы не будете. Если покажется темновато, все-таки северная сторона, включите свет, не стесняйтесь. В шкафу есть бар. Захотите что-нибудь выпить, просто откройте любую бутылку. Бокалы там же, на полке сверху.

Растерянно улыбнувшись, она ушла, Риккардо остался в одиночестве. Сердце билось неровными скачками, и он подумал, что португальский портвейн стал бы самым лучшим лекарством.

Старый шкаф из отполированного дуба стоял в самом углу комнаты. Почему-то он показался Сантосу странно знакомым. Он подошел к нему и безошибочно открыл дверцу бара, хотя в шкафу было множество одинаковых дверок. Неужели он когда-то здесь бывал? Его детская память ничего об этом не сохранила. Если коттедж принадлежал родителям матери, вполне возможно, он навещал их вместе с родителями до развода.

В холодильной камере на специальных подставках полулежало десять разномастных бутылок, главным образом легкое вино, в Испании считаемое дамским. Ничего похожего на португальский портвейн или испанское вино не было и в помине. Риккардо подумал, что мать ведет себя так же, как отец. Тот тоже убрал из поля зрения все, что напоминало ему о далеких счастливых годах.

Выбрал початую бутылку виски, налил его за неимением лучшего в бокал в форме тюльпана, покрутил, понюхал и скептически хмыкнул. Грубый запах показался ему убийственным для острого обоняния ценителя тонких марочных вин. Плеснул тоника из стоящей рядом бутылки. Открыл морозильное отделение, надеясь, что там окажется лед, и не ошибся. Бросил в бокал несколько кубиков льда и медленно выпил, почти не чувствуя вкуса. Все-таки он изрядно волнуется. В голову снова пришла сакраментальная мысль: «и зачем я это затеял? Не лучше ли было оставить все так, как есть? Возможно, эта встреча сулит ему одни разочарования?».

Уходить, раз уж пришел, было смешно, и он прошел по гостиной, разглядывая убранство. Типично английское жилище. Под ногами слегка потертый ковер в иранском стиле, похоже, подлинный. На стенах сентиментальные вышивки крестиком с упитанными смеющимися карапузами. Интересно, кто и когда это вышивал? Наверняка в дотелевизионную эпоху, поскольку это занятие требует уйму времени и сил, которых у современных дам попросту нет. В углу комнаты кресла и диван на изящных ножках в силе рококо с низеньким столиком перед ними образовывали довольно живописную группу.

В принципе, комната была уютной, но какой-то нежилой. Похоже, посетители здесь бывали редко. Но это понятно, если после смерти родителей, неизвестных ему деда с бабушкой, мать жила в коттедже одна. Он явно велик для одного человека, почему же она от него не отказывается?

После виски к сердцу поднялась горячая волна, но напряжение не спало. Как он скажет матери, что он ее сын? Документы у него с собой, но неужели ему придется их предъявлять? Должна же она почувствовать, что он и впрямь родная кровь? Или слова про чуткое материнское сердце выдумка, и в жизни все иначе?

Риккардо не помнил, чтобы он когда-либо так волновался. Потрогал щеки. Горят. Взглянул в стоящее у стены на резных ножках высокое венецианское зеркало. Хорошо, что у него смуглая кожа, краску на щеках совершенно не заметно. Вот только глаза горят синим огнем, выдавая напряжение.

Посмотрел на строгие часы на своем запястье. Часы хорошие, известной швейцарской фирмы, но не кричащие о богатстве. Он, как истинный аристократ, считал роскошь моветонном. Стрелки показывали ровно два. Сорок минут прошло, а он и не заметил. Вот что делает волнение.

## Глава вторая

Словно услышав его мысли, дверь отворилась, и в гостиную зашла миссис Джонс. Остановившись в паре метров от него, просто сказала:

– Здравствуй, Риккардо. Как давно мы не виделись!

Он вздрогнул.

– Вы меня узнали?

Миссис Джонс сделала порывистое движение, желая его обнять. Но спохватилась и опустилась в кресло, будто ее не держали ноги.

– Конечно. Почти сразу. Как я могла не узнать единственного сына?

– Но вы не видели меня двадцать лет!

Она сцепила руки на коленях. Риккардо заметил, что пальцы у нее чуть подрагивали.

– Я видела тебя в последний раз пять лет назад, на выпускном вечере в мадридском университете. Ты был так красив в черной мантии выпускника! Я была за тебя очень, очень рада. Ты фотографировался на память. Я потом купила у фотографа твой портрет.

Она встала, подошла к шкафу, достала из него альбом и подала Риккардо. На последней фотографии он и впрямь стоял в шелковой мантии выпускника у входа в университет, с гордостью держа в руках новенький диплом с отличием.

Риккардо был потрясен. Он прекрасно помнил этот день.

– Но почему вы не подошли ко мне?

– Как я могла? – миссис Джонс печально усмехнулась. – С тобой рядом были дед с бабкой и тетки, такие гордые, такие чопорные. Если бы я подошла, был бы скандал. Разве я могла испортить такой день в твоей жизни?

Риккардо задумался. Вряд ли бы родственники устроили публичный скандал, но встреча была бы натянутой, это безусловно. Он вспомнил, как они гордились его новым статусом, и понял, что мать была права. Праздник был бы если не испорчен, то скомкан однозначно.

– Но почему вы не пытались со мной связаться?

Миссис Джонс сердито тряхнула головой.

– Почему не пыталась? Пыталась. Много раз. Я даже судилась с твоим отцом, но он не собирался выполнять постановления английского суда о предоставлении мне возможности для свиданий с сыном. А в Испании мои иски судами даже к рассмотрению не принимались. – И безнадежно добавила: – Что может какая-то там Джонс против могущественного клана Сантос? Ничего. Я много раз пыталась с тобой поговорить или хотя бы тебя увидеть. Много раз я приезжала в Испанию и караулила возле ворот особняка, чтобы хоть мельком на тебя посмотреть. Но тебя всегда возили с охраной. И меня к тебе не пускали.

Риккардо почувствовал внутри холодную дрожь ярости. А родственники утверждали, что мать отказалась от него за приличные деньги, практически продала, и никогда не искала с ним встреч! Сколько лжи, сколько подлости! Наверняка и слова бабки об ее измене тоже ложь.

Мать с силой сжала руки, костяшки пальцев побелели от напряжения. Риккардо видел, как ей тяжело и больно, но не смог удержаться от вопроса, решив после ее признания перейти на родственное «ты»:

– Но почему ты не написала мне или не приехала потом, когда я стал взрослым и мог сам решать, что мне делать?

Она вздохнула.

– Заболели родители. Сначала отец, потом мама. Оставить их я не могла, нанять сиделок не было средств. А писать – куда? Твоей электронной почты я не знаю, а обычные письма до тебя никогда не доходили.

– Понятно. – Риккардо знал страсть бабки все контролировать, но то, что перехватывались адресованные ему письма, стало неприятным открытием.

Мать нервно переложила лежащую перед ней на столике книгу и попросила:

– Может быть, оставим прошлое в прошлом? Мы встретились, и это замечательно.

Но Риккардо не был готов забыть прошлое. И, что важнее, простить.

– Мама, я понимаю, тебе очень больно об этом вспоминать, но почему отец с тобой развелся?

Она высоко вскинула голову.

– Это не он со мной развелся, а я с ним. Я поняла, что он вовсе не тот, за кого я его принимала.

Риккардо опешил. Ее слова настолько шли вразрез с тем, что ему внушали с детства, что он растерялся. Роуз поняла его без слов.

– Понимаю, тебе говорили другое. Но на самом деле это я подала на развод, едва вернувшись в Англию после того жуткого скандала. Получив развод, пыталась отсудить хотя бы право видеться с тобой, но решения английского суда ничего не значили для рода Сантос.

– Мама, а что случилось конкретно? – Риккардо решил выяснить все до конца, раз уж начал.

Он не решился добавить «за что тебя выгнал отец», но миссис Джонс и сама об этом догадалась.

– Я и сама не понимаю. Я вернулась в палатцу вместе с тобой, возила тебя к врачу, ты немножко покашливал. Отдала гувернантке, она увела тебя в детскую. Поднялась в спальню, там стоял Диего, – имя она произнесла с трудом, будто не вспоминала его все последние двадцать лет, – он был в бешенстве. Начал кричать, что я ничтожная, подлая тварь, недостойная быть его женой, и мой сын вовсе не его сын. Потом велел мне немедленно убираться из дома. Возможно, мне нужно было сохранять спокойствие и добиться, чтобы он рассказал мне, из-за чего он так взъярился, но такого Диего я никогда не знала. Он с перекошенным от злости лицом вопил непростительные вещи. Это было так отвратительно, что я уехала тотчас. Потом я горько жалела, что не взяла тебя с собой, но кто бы позволил мне забрать тебя?

Риккардо с сочувствием посмотрел на мать. Она была бледна, хотя держалась очень прямо.

– Ты настоящий стоик. Не плакала, не умоляла. Аделина говорила, что ты гордо спустилась вниз, не проронив ни единой слезинки.

– Это был просто шок. Слезы пришли позже. Мне повезло, мои мать и отец поддержали меня в этой нелегкой ситуации. Им все эти годы так хотелось увидеть внука, поговорить, обнять, но не удалось. Я привозила им фотографии и видео, когда удавалось тебя заснять, но это совсем не то. Мне пытались заткнуть рот, передав какой-то трастовый фонд, но я от него отказалась.

Риккардо приплюсовал к своему немаленькому счету к отцу еще два пункта.

Мать спросила:

– А как поживают твои родственники? Как донья Долорес?

Он рассказал ей о тетке Долорес и Пабло Медине, и она сердито заметила:

– Я вообще не понимаю, как дон Ансельмо мог выдать свою дочь за откровенного пройдоху? Сразу было видно, что он крайне непорядочный тип. Он и мне глазки строил и ручки пожимал с откровенными намеками. Но я сразу дала ему понять, кем его считаю. Он поэтому меня и невзлюбил.

– А не мог он организовать ту подставу, на которую купился отец? Он говорил тетке, что несколько раз видел тебя с каким-то мужчиной, который оказывал тебе недвусмысленные знаки внимания.

Роуз прикрыла глаза, вспоминая те давние дня.

– Возможно. Ко мне часто обращались какие-то мужчины, с самыми разными предложениями. К англичанкам в Испании в то время относились без особого уважения. Считали распущенными и все такое. Я на них не обращала внимания. Возможно, Диего и видел несколько раз рядом со мной какого-то мужчину. Для меня это ничего не значило, но для него, похоже, значило очень многое. Но как маркиз Сантос мог выдать дочь за такого человека?

– Отец Пабло в свое время оказал деду очень важную услугу, вывезя из страны в тридцатые годы его семью, и тем самым спас от расправы. Поэтому дед и выдал Долорес за него с приличным по тем временам приданым.

– Я этого не знала. Долг чести, значит? Но почему за счет счастья Долорес? Ей этот брак принес одно страданье.

– Тебе твой тоже.

Миссис Джонс немного подумала, потом отрицательно покачала головой.

– Здесь все гораздо сложнее, чем ты думаешь. Я в последнее время много над этим размышляла и пришла к выводу, что, если бы и знала, чем все это закончится, все равно ответила бы на любовь Диего. Только не стала надеяться, что это навсегда. Лучше пережить страсть яркую и возвышающую, чем прожить скучную жизнь, не зная любви.

– Но тем не менее с отцом ты помириться не хочешь?

– Риккардо, мы с Диего за прошедшие годы стали совершенно другими людьми! Тех влюбленных молодых людей, что души не чаяли друг в друге, больше нет. Они растворились во времени. Ручаюсь, я помню совершенно другого Диего, нежели знаешь ты.

– Однозначно. Но ваше примирение показало бы мне частицу того отца, который хоть немного любил бы меня.

– Я считаю, что в одну и ту же реку дважды не войти, Риккардо. Так что не стоит склеивать разбитый кувшин. Зачем подвергать себя риску новых обид и унижений? Мне нравится моя жизнь такая, какая она есть. Без излишеств и без лишений. Именно то, что называют золотой серединой.

Они смотрели друг на друга, не решаясь подойти и обнять. Все-таки двадцать лет разлуки сделали их незнакомцами. Наконец Риккардо нехотя поднялся.

– Мне пора. Да и у тебя наверняка есть дела.

Миссис Джонс посмотрела на напольные часы, мерно отсчитывающие время и ойкнула:

– Ой, у меня урок через пять минут! А я еще не готова! Может быть, подождешь еще? Но Риккардо отказался:

– Не могу, извини. На сегодня запланировано много встреч. Мне и так пришлось перекроить все расписание. От меня зависит слишком многое в нашем семейном бизнесе.

Миссис Джонс встала.

– Очень жаль. Но, надеюсь, ты будешь часто теперь меня навещать?

– Конечно! – Риккардо произнес это с уверенностью. – Так часто, как смогу.

Она торопливо пошла к выходу, сын за ней. Уже открыв входную дверь, прошептала:

– Я так рада, что ты меня нашел, мой дорогой!

Возле коттеджа остановилась дорогая черная машина, из нее вышел пухлый мальчик в очках и нотной папкой, которую небрежно крутил в руках. Видно было, что на урок ему не хотелось совершенно.

Риккардо со смешком вполголоса заметил:

– Не слишком старательный ученик?

Миссис Джонс так же тихо ответила:

– Не то слово! Его родители используют музыку как отвлечение от компьютерных игр. Так что про усердие и старание говорить не приходится. Удивительно, что он вообще соглашается ко мне приезжать.

– Скорее это результат настойчивости его родителей, а вовсе не его заслуга.

– Я тоже так думаю, – со смешком согласилась Роуз.

Мальчик церемонно поздоровался, и с задранной носом, демонстрируя свое недовольство, вошел в дом. Пообещав матери зайти так скоро, как сможет выкроить время в своем напряженном расписании, Риккардо поймал такси и поехал в офис.

Его уже ждал управляющий английской сетью оптовых винных магазинов «Сантос», поэтому поразмыслить о встрече с матерью ему удалось лишь вечером после напряженного дня совещаний, встреч и переговоров.

Только в своем номере он вспомнил, что за весь суматошный сегодняшний день он перекусил только утром, позавтракав в буфетной отеля. Тут же страшно захотелось есть. Рядом с отелем был неплохой ресторан, и он отправился туда на поздний ужин. Его усадили одного за дальний столик, как он и попросил. Ему никто не мешал, еда была вкусной, но есть в одиночестве ему доводилось очень редко, и он испытывал неприятный дискомфорт.

Свет был приглушен, играла негромкая ненавязчивая музыка, на танцполе пары танцевали медленное танго. Несколько пар было чисто мужских, и Сантос посмотрел на них с неодобрением. Как истинный католик, он таких отношений не понимал.

Поднял бокал с аперитивом, и на пальце синим сполохом сверкнуло старинное кольцо с сапфиром. Отец носил рубины, но ему больше нравились сапфиры. Может, потому, что это цвет глаз его матери? Кто разберет подспудные желания души?

За соседними столиками сидело несколько очень приятных девушек, и в другое бы время Сантос с удовольствием пригласил кого-нибудь из них на танец, но сейчас ему этого делать не хотелось. Он еще не понял, почему, слишком много сегодня на него навалилось.

Закончив ужин медовыми грушами по-французски, расплатился и медленно отправился в отель, по дороге лениво припоминая подробности встречи с матерью.

Откровением ли были ее сегодняшние слова? Возможно, он уже подозревал нечто в этом роде, когда решил нанять детектива? Если она многократно пыталась отсудить у отца право свидания с единственным ребенком, то у Диего должен быть ее адрес. Но у отца бесполезно об этом спрашивать, так же как и у семейного адвоката. Он и сам, как юрист, не стал бы сообщать личные сведения клиента ни под каким предлогом.

Значит, он все сделал правильно. Но что же смутило его сегодня? Почему так неспокойно на душе? Он решил вспомнить весь разговор с матерью. К его удивлению, на память пришел не разговор, а симпатичная девушка, пришедшая на урок. Ее милое лицо прочно застряло в памяти, затмив всех прочих знакомых ему красоток.

Ее ему не представили, повода не оказалось, но мать называла ее Дженни. Приятное имя. Как и его владелица. Риккардо вздохнул. Много лет бабушка внушала ему, что наследник гордого рода Сантос должен жениться на представительницах своего класса, и уж никак не на иноземках, приводя в пример печальный опыт отца.

Раньше он тоже в это верил. Но теперь, после встречи с матерью, эта вера пошатнулась. Теперь он знал, что во всем виновата вспыльчивость отца. Если б он умел держать себя в руках, они с матерью прожили бы счастливую жизнь.

Девушка в его мыслях повернула голову и улыбнулась ему застенчивой улыбкой. Риккардо озадачился. Что это с ним? Может, на него повлияла необычность их встречи? Дженни вовсе не красавица, хотя и очень мила. Но ему вовсе ни к чему связываться с юными неопыт-

ными особами. Серьезных отношений он завязывать ни с кем не собирается, а других с этой простушкой быть не может.

Мысли снова вернулись к матери, вернее, к ее словам о дне ссоры. Что же все-таки произошло тогда? Спросить у отца? Но ответит ли он ему вообще? Риккардо прекрасно знал манеру отца презрительным молчанием уходить от неудобных вопросов. Они вообще редко общались. Со слов бабушки он знал, что когда-то отец был прекрасным собеседником, простым и веселым человеком. Но после развода превратился в желчного ипохондрика, не верящего никому.

Риккардо пришел в отель, принял душ и упал в удобную постель, надеясь тут же уснуть. Но, проворочавшись без сна более получаса, отбросил подушку, вытянулся на кровати и закинул руки за голову. Поздняя ночь, но спать не хотелось совершенно. Сказывались переживания сегодняшнего бурного дня. Сможет ли он завтра навестить мать? Он вспомнил о плотном графике и вздохнул. Нет. Не получится. Если только послезавтра. Да и то придется просить Пепиту освободить пару часов посреди дня. Она наверняка будет озадачена, и об этой странности в его поведении будет немедля доложено бабушке. Но ему все равно. Он давно вырос и будет делать то, что считает нужным.

Риккардо пожалел, что не спросил номер телефона матери. Был так взволнован и растерян свалившимися на него открытиями, что это совершенно вылетело у него из головы.

Но это поправимо. Если он снова попадет к матери во время урока, то просто подождет, только и всего. Главное – не попасть в одно время с Дженни, им совершенно ни к чему встречаться снова. Пусть она его и заинтересовала, но это ненадолго. Ни к чему внушать ей бесплотные надежды.

Наутро Риккардо отправился на встречу с потенциальными покупателями. Нужно ему здание в Сити находилось неподалеку от Мэншон-хаус, поэтому он решил доехать до Олд Бейли, а дальше пройти пешком. Было еще прохладно, во всяком случае, для него, привыкшему к жаре Испании. Он прогулочным шагом прошел почти все расстояние, когда шедший ему навстречу высокий худошавый мужчина в черных джинсах и белой футболке показался знакомым.

Он чуть принахмурился, пытаясь вспомнить, кто же это такой.

Мужчина тоже пристально уставился на него, что-то припоминая. Одно это подсказало Риккардо, что это иностранец, у англичан не принято столь бесцеремонно пялиться на людей. Внезапно мужчина расплылся в широкой белозубой улыбке и поспешил ему навстречу. Экспансивно ухватил за руку и энергично потряс.

– Сантос? Риккардо Сантос? – он был и в самом деле рад. – Не помнишь меня? Ты был слишком мал, чтобы меня запомнить, так что я не в обиде. Я Курт Адамс.

Риккардо моментально вспомнил жалобы бабки, сетующей на неразумность младшей дочери. Да это же упущенный американский жених, миллиардер! Бенита, младшая сестра отца, отказалась стать его женой, выбрав простого испанского инженера, что уронило ее в глазах семьи до невозможно низкой отметки. Отец не дал за ней приданого, заявив, что жене простого работника оно ни к чему. Муж Бениты умер несколько лет назад, оставив безутешную вдову без гроша в кармане.

Риккардо улыбнулся в ответ, столь же энергично отвечая на рукопожатие. Адамс выглядел довольно молодо, по-американски поджаро и улыбчиво. Если бы не густая седина на висках, можно было бы подумать, что с момента его неудачного сватовства к Бените прошло не пятнадцать, а пять лет.

Адамс хотел что-то сказать, но посмотрел на часы и поморщился.

– Давай встретимся вечером, если ты свободен?

Риккардо был не свободен, но решил, что назначенную встречу вполне можно перенести без ущерба для бизнеса.

– О'кей! Где и во сколько?

Адамс, не колеблясь, предложил:

– «Petrus». В восемь устроит?

Риккардо согласился. Еще раз пожав ему руку, Адамс быстрыми шагами удалился, а Риккардо отправился на встречу. Он знал, что в «Petrus» нужно записываться заранее, но был уверен, что Адамс об этом прекрасно знает. Значит, возможность посетить модный ресторан без предварительной записи у него есть.

День промелькнул так же быстро, как и предыдущие. Сеньора Пепита, которой он велел пересмотреть его завтрашнее расписание и освободить три часа днем, кивнула головой. Ей ужасно хотелось спросить, куда же босс направляется в рабочее время, когда его день расписан по минутам, но она не посмела, вид у него был к откровениям не располагающий. Но донье Аделине о своих сомнениях доложила. Та величественно поблагодарила ее за старание и попросила при случае выяснить, куда же повадился ее внук.

После этого разговора Пепита обнаружила на своем счету перевод на две сотни евро, и укоризненно покачала головой. Скупится старая донья, скупиться! Она может ей ничего и не рассказывать, просто дает себя знать старая привычка. В свое время донья Аделина часто навещала ее семью, ее отец был арендатором в поместье Сантос. И когда она закончила колледж Святой Марии в Мадриде, пристроила ее в секретарши к своему внуку с условием рассказывать ей все, что с ним происходит.

Пепита понимала, что ее поставили шпионить за маркизом, но перечить старой донье не посмела. Отец так и работает в поместье, как бы ее непослушание не вышло ему боком. А до пенсии ему еще целых пять лет.

Порой ей хотелось во всем признаться Сантосу, но она боялась. А вдруг он ее просто-напросто уволит? Да еще с плохими рекомендациями? Нет, так рисковать она не будет. К тому же она докладывает донье Аделине очень аккуратно. Маркиз до сих пор ни о чем не догадался.

Ровно в восемь вечера Риккардо подошел к одному из самых модных в Лондоне ресторанов. К нему тотчас вышел швейцар и с поклоном осведомился:

– Мистер Сантос? Вас ждет мистер Адамс! – и повел его внутрь здания.

Риккардо пошел за ним. Он не раз бывал здесь, и ему импонировало продуманное оформление ресторана. В холле его с поклоном передали в руки метрдотеля, и тот проводил его до столика, за которым уже сидел Адамс. Завидев Риккардо, он вскочил и радостно похлопал своего гостя по плечу. На этот раз он был одет в соответствии с последней модой: строгий серый костюм с легкой искрой, на шее элегантно повязан темно-серый галстук с серебристой вышивкой. Костюм сидел на нем прекрасно, но чувствовалось, что Адамсу было куда комфортнее в джинсах и футболке.

– Рад, очень рад! Что будешь заказывать? Учти, я тебя пригласил, я и плачу!

За спиной уже вырос услужливый официант с развернутым меню, и Риккардо, не желая спорить на глазах у обслуживающего персонала, коротко произнес:

– Благодарю. – И устроился в свободном кресле приглушенного черного цвета.

Адамс плюхнулся напротив и заверил:

– Мне это очень приятно, дружище! Сам понимаешь, мы почти что родственники. Несостоявшиеся, к сожалению.

В его голосе прозвучала скрытая печаль, и Риккардо чуть слышно вздохнул. В его семье все были в курсе неудачной любви американца к Бените. У бабушки до сих пор в голове не укладывалось, как ее дочь могла предпочесть нищего инженера мультимиллионеру. Но у Бениты на этот счет было другое мнение.

Риккардо сочувствовал Бените. После смерти мужа он предлагал ей приличное содержание, но она, видимо, еще не придя в себя, заявила, что это все ей в наказание, и что она

должна добросовестно искупить перед Господом и людьми свою вину. Она говорила так сумбурно, что Риккардо ничего не понял. Какую вину она собралась искупать и перед кем? Женщины в их семье вообще были очень набожны, как и положено истым католичкам, но порой он их совсем не понимал.

Он посмотрел вокруг. Он не раз уже бывал в «Petrus», но его всегда поражал интерьер. Маленький банкетный зал Romerol Room – царство черного бархата и хрустальных канделябров. Использовать бархат в интерьере – смелая затея, ведь бархат поглощает и отражает свет пятнами. Но подсветка, направленная вверх, оказалась потрясающим решением, и мягкий свет рассеивался равномерно, словно аромат из курильниц. Бликующий хрусталь придавал интерьеру нереальность, даже фантастичность. Некоторая официальность, на взгляд Риккардо, все же присутствовала, но это не мешало, а, скорее, помогало сосредоточиться на вкуснейшей еде.

– Гордон Рамзи, владелец этого великолепия, наверное, твой друг? А то с чего бы ты так быстро получил доступ в это святая святых?

Адамс тряхнул головой.

– Что ты! Таких друзей, как я, у него тысячи. Просто я когда-то вложил в его дело несколько миллионов, и теперь у меня солидный пакет акций. Так что можешь рассматривать меня как совладельца.

Они заказали еду, главным образом фирменные блюда французского происхождения: грибной жюльен, нежнейшего кролика, королевских креветок, на десерт шоколадно-миндальные пирожные.

За ужином небрежно болтали о всякой ерунде. О погоде, политике, вине, главным образом испанском, которое Адамс считал лучшим в мире. Сантос понимал, что он говорит это исключительно для того, чтобы сделать приятное ему, ведь Сантосы испокон веку занимались виноделием, а в последнее время и продажей своего вина, и он вполне оценил его деликатность.

Риккардо терпеливо ждал главного. Он догадывался, о чем Адамс будет говорить. По сути, его интересовала только одна тема: Бенита. Но Адамс медлил, и Риккардо решил, что ничего страшного не произойдет, если он первым узнает о его семье.

– Курт, а как твои дела? В смысле, как семья?

Тот легкомысленно передернул плечами.

– Я был дважды женат. Но теперь в разводе. Сложно встретить ту единственную, ради которой стоит терпеть семейные ограничения.

Сантос очень хотел спросить, не повлияла ли на его разводы любовь к Бените, но промолчал. Не стоило лезть в чужую душу. Нужно будет, Адамс все скажет сам.

Но вот время пришло. Отпив из хрустального бокала глоток шампанского, Курт скованно признался:

– Думаю, ты понимаешь, для чего я тебя пригласил?

Риккардо кивнул. Таиться не было смысла.

– Как поживает Бенита? Как ее муж, Эдуардо Диес, кажется?

Риккардо грустно ответил:

– Эдуардо уже нет. Бенита вдова. Уже давно.

Адамс потрясенно смотрел на него, не замечая, что из склоненного бокала ему на колено льется шампанское. Наконец он опомнился и осторожно поставил почти пустой бокал на стол. Приложил салфетку к пятну, явно тняя время, чтобы прийти в себя.

– Вдова? Я такое себе даже и представить не мог. А что с ним случилось? Несчастный случай?

Риккардо коротко ответил:

– Рак. Три года назад.

Адамс недоуменно переспросил:

– Рак? Но ведь он был так молод...

– Да, всего тридцать пять. Но, как оказалось, в его роду это не редкость.

Курт с силой потер рукой лоб. На среднем пальце сверкнул аляповатый желтый бриллиант непомерных размеров. Риккардо подумал, что американцы в большинстве своем не обладают ни чувством стиля, ни чувством меры. И Адамс в этом ряду не исключение.

– Они прожили вместе всего десять лет. А как дети?

– Детей нет. – Заметив, что Адамс готовится задать новый вопрос, Риккардо протестующе вскинул руки. – Почему, не знаю. – И поспешно добавил: – А у тебя дети есть?

Думая о своем, Адамс машинально переложил вилку с одной стороны тарелки на другую.

– Есть, как же не быть. Сын и сын. – Спohватившись, уточнил: – Я хотел сказать, сыновья от разных жен.

Риккардо мягко заметил:

– Ты, наверное, ими гордишься?

Помахав в воздухе рукой, будто посылая кому-то привет, Адамс квело подтвердил:

– Естественно. Они хорошие парни. Но вот если бы они были детьми любимой женщины, они были бы мне гораздо дороже. – И сконфуженно признался: – Я всю свою жизнь любил только Бениту. Наверное, я однолюб. Я люблю ее до сих пор.

Риккардо скептически подумал, что это не помешало Курту дважды жениться. А сколько одноразовых подружек побывало в его постели? По внешнему виду он на верного мужа не походил. Возможно, Бенита единственная ему отказала, и именно поэтому у него о ней столь ностальгические воспоминания? Попытался спустить его с небес на грешную землю.

– После смерти мужа Бенита сильно постарела, и теперь ничем не напоминает ту сексапильную красотку, в которую ты влюбился пятнадцать лет назад.

Адамс кивнул.

– Южные женщины вообще очень рано стареют, я знаю. Но в моей душе она навсегда останется самой прелестной девушкой, какую я знал в жизни.

Он оглянулся, призывая взглядом официанта. Тот появился тут же, бесшумно подав счет. Оплатив его, Адамс поднялся из-за стола. Выглядел он мрачновато. Уже прощаясь, пробормотал, поджав губы:

– Сколько ошибок мы делаем только потому, что не знаем, что ждет нас в будущем!

Риккардо был полностью согласен с этой прописной истиной, но Адамс, не дожидаясь ответа на это чисто риторическое восклицание, спросил:

– Ты на машине? – услышав, что нет, предложил: – Подвезти?

Риккардо отказался. Ему нужно было все обдумать. Слишком много в голове вертелось вопросов, на которые не было ответов.

– Спасибо, но я лучше пройду. Вечер хороший, да и желудок перегружен едой. Нужно размяться перед сном.

– Ладно, тогда давай хотя бы обменяемся визитками. Возможно, еще встретимся.

Они обменялись визитками. Вышли из ресторана на небольшую площадку, вдоль которой тянулись цветочные розетки с пряно махнувшими цветами. Крепко пожав на прощанье Риккардо руку, Адамс нырнул в подошедший сверкающий Ягуар, и Риккардо остался один.

Вокруг сиял разноцветными огнями вечерний Лондон, создавая сцену из сюрреалистической картины будущего. Риккардо шел по просторной авеню, не глядя по сторонам. Всюду слышалась иноязычная речь, Лондон давно превратился в космополита. Периодически слышался и испанский, но Риккардо даже не смотрел в сторону говорящих.

Торопливость Курта Адамса говорила о многом. Похоже, он поедет к Бените. Но вряд ли она оправдывает его ожидания. Она и в самом деле сильно изменилась, постарела и даже как-то высохла. Да и черные балахоны, в которые она обрядилась после смерти мужа, ее вовсе не красят. Так что скорее всего они обменяются парой вежливых фраз и разойдутся. Курт убедится, что в одну реку дважды войти невозможно, только и всего.

В отеле посмотрел вокруг. Удобное, рационально организованное жизненное пространство. Но ему надоело жить в отелях. Он хочет иметь свой угол. По сути, у него нет ничего своего, личного. В доме деда, в котором он вырос, у него есть личные апартаменты, но сейчас дом принадлежит отцу, и часто появляться там он не будет. Уж лучше останавливаться в мадридских гостиницах, хотя это и вызовет очередные нарекания его родных и недоумение obsługi.

Больше всех недовольна будет донья Аделина, но теперь она и сама в палаццо на птичьих правах. Интересно, переедет ли она во вдовый дом? Риккардо никогда во вдовьем доме не был, возможно, это и удобный для жилья дом, но уж очень у него неприятное название. Ему казалось, что донья Аделина будет сопротивляться переезду изо всех сил. В конце концов, она прожила в палаццо всю свою сознательную жизнь и много сделала для его процветания.

Но как отнесется отец к постоянному присутствию матери в своем доме? Между ними такие натянутые отношения. Впрочем, у отца ни с кем нет не то что дружеских, а просто нормальных отношений.

Итак, решено, он купит жилье в Англии. Возможно, хорошую квартиру в Лондоне, в приличном районе, или такой же почтенный дом, как у матери в пригороде. Он представил себе удобный и просторный дом, наполненный дорогими ему вещами, и у него потеплело на сердце. Возможно, в этом доме будет и хозяйка. Воображение тут же подсуло ему образ улыбающейся Дженни с пухлым карапузом на руках, и он невольно засмеялся.

Что это с ним? Он совершенно ее не знает, возможно, у нее дурной характер или она хитрая расчетливая особа, живущая за счет мужчин. А может, она прикидывается наивной и невинной, чтобы заарканить богатого мужа? Все может быть. Поэтому нужно выкинуть ее из головы и заняться делом, сегодня у него целый вечер ушел впустую. Конечно, встреча с Адамсом может быть полезной в плане бизнеса, но в долгосрочной перспективе.

Неохотно включил мощный компьютер с огромным монитором, на котором можно было запустить сразу несколько программ и выполнять одновременно три-четыре задачи. На экране высветилось время – одиннадцать часов. До сна еще далеко. Он никогда не ложился раньше часа ночи, а вставал в семь утра. Шести часов ему вполне хватало для полноценного сна.

Во время учебы в университете он зачастую ложился под утро, но тогда накапливалась усталость, и в выходные приходилось отсыпаться. Теперь он старался придерживаться постоянного режима, ведь от состояния его головы зависело слишком многое. Он предпочитал все ответственные договоры прорабатывать сам, не надеясь на юристов фирмы. К тому же на нем лежала вся организаторская работа, не говоря уже о поисках новых рынков сбыта и перспективном маркетинге.

Проработав до часу, совершил обычные гигиенические процедуры и улегся в постель, скомкав подушку и уткнувшись в нее носом, как ребенок. Вспомнив о предстоящем визите к матери, тепло улыбнулся. В полусонном мозгу мелькнула заманчивая мысль: вполне возможно, он вновь увидит Дженни. И стрелой неприятная опаска: а вдруг у нее кто-то есть? Эта мысль не понравилась ему настолько, что он растерял весь сон.

Оставив попытки уснуть, повернулся на спину и уставился в потолок. Нет, этого не может быть. Ведь бросала же она исподтишка на него любопытные взгляды, не померещилось же ему это? И, противореча себе, подумал: не может она быть хитрой расчетливой стер-

вой, или он совершенно не разбирается в людях. В ней присутствовала какая-то неискренность, что-то наивное и доверчивое, то, что и привлекло его к ней. И это «что-то» подлинное, как говорит ему интуиция. А может, сердце?

Решил сдаться на милость судьбы и проверить свои ощущения, снова встретившись с ней.

## Глава третья

На следующий день Риккардо стоял перед дверями коттеджа в то же время, что и в прошлый раз. Не звонил, смотрел на дорогу, ожидая, когда подъедет Дженни. Сейчас все ездят на машинах, и ему казалось, что она не исключение. И ошибся. Понял это тогда, когда за спиной раздалось приветливое:

– Добрый день! Вы снова к миссис Джонс?

Он резко повернулся. Дженни в легком светлом блузоне, подчеркивавшем ее невесомость, улыбалась ему дружелюбно, но так, как улыбалась бы любому случайно встретившемуся незнакомцу. Риккардо покоробила эта отстраненность. Ему страстно захотелось, чтоб она увидела в нем дорогого и близкого друга, чтоб холодность исчезла, сменившись радостью. Риккардо немного удивился собственной восторженности. Он всегда был прагматиком, и подобные высокопарные выражения его никогда не посещали. Что же произошло с ним сейчас?

Тряхнув головой, чтобы выгнать из нее нелепые мысли, спокойно поздоровался:

– Здравствуйте, Дженни! Вы снова на урок?

Она чуть принахмурилась.

– Здравствуйте. Но это неэтично.

Риккардо не понял ее странного замечания. Что неэтично? Что он поздоровался с ней первым? Но это элементарная дань вежливости, она не может об этом не знать. И вообще ему было странно слышать об этических нормах от столь юного создания, в его среде молодежь между собой не особо чинилась. Неужели он кажется ей стариком? Не понимая, в чем дело, он недоуменно смотрел на нее, не отвечая, и Дженни поспешила уточнить свою мысль:

– Вы знаете мое имя, а я ваше – нет.

У Риккардо отлегло от сердца, и он поспешил исправиться:

– Извините. – С легким поклоном представился: – Я Риккардо Сантос. Бизнесмен. Живу в Мадриде. В Лондоне ненадолго. – Титул он благоразумно опустил.

Дженни заинтересовалась.

– А что вы делаете в Лондоне?

– Я здесь по делам.

Дженни с недоумением взглянула на него. Странно, какие дела могут быть у испанского бизнесмена с английской преподавательницей музыки?

Риккардо сдержанно пояснил:

– В этом доме я исключительно по личным делам, к бизнесу никакого отношения не имею.

Дженни кивнула головой, принимая его слова к сведению, и подергала язычок колокольчика. По дому снова прокатился неприятный звон. Риккардо непроизвольно передернулся и сделал резкий жест, будто хотел прекратить этот дикий трезвон.

– Старый колокол. Раритет. Миссис Джонс не хочет его менять. Говорит, что, когда она станет старой и глухой, все равно будет его слышать, – Дженни с улыбкой объяснила столь неудобный предмет обихода.

Риккардо не успел ничего ответить по этому поводу, дверь распахнулась. Миссис Джонс увидела сына и радостно улыбнулась. Мило пригласила гостей войти. В прихожей подняла руку, останавливая намеревавшуюся уйти в музыкальную комнату Дженни.

– В прошлый раз я не представила вас друг другу, исправляюсь. Дженни, познакомься, пожалуйста, с моим сыном Риккардо Сантосом. Риккардо, это Дженни Энн Барлоу, моя ученица. Очень способная девочка. Вообще-то она студентка Лондонской школы экономики, а музыкой занимается для собственного удовольствия.

Дженни невоспитанно оставилась на Риккардо.

– У вас есть сын? Вы никогда о нем не говорили!

Миссис Джонс строго заметила:

– Дженни, я ничего не должна рассказывать тебе о своей семье. Ты здесь для того, чтобы учиться музыке.

Дженни смутилась до слез.

– Ой, я не права! Извините! Не знаю, с чего я это брякнула. Это совершенно не мое дело. Можно, я пойду в музыкальную комнату?

– Конечно. Готовься к уроку, я сейчас приду.

Дженни скрытно бросила на Риккардо любопытный взгляд и легкой походкой ушла в просторную комнату. Села за отполированный до сияющего блеска рояль, открыла крышку и принялась играть гаммы, разогревая руки.

Из головы не выходил красивый изящный испанец. Неужели это и в самом деле сын миссис Джонс? Они вовсе не похожи. Он черноволосый и смуглый, а она белокожая и светло-волосая. Единственное, что их объединяет, синие, почти фиалковые, глаза. Но миссис Джонс выглядит так молодо, глядя на них, и в голову не приходит, что это мать с сыном.

Дженни решила после занятий обязательно зайти в интернет и посмотреть, кто это такой. Наверняка о нем что-то есть в деловых сетях. Он такой энергичный, от него просто веет предприимчивостью, сразу понятно, что он успешный бизнесмен. И движения у него быстрые и точные, наверняка хорошо фехтует.

Она представила его в образе средневекового идадьго в черном с серебром костюме, со шпагой на боку. Синие глаза ослепительно сверкают из-под низко надвинутой широкополой шляпы с серебряным галуном. Красив и эффектен, гроза девичьих сердец.

Пока в голове Дженни мелькали воображаемые образы, пальцы привычно порхали по клавишам. Закончив арпеджио, она перешла к гаммам, смущенно улыбаясь своим мыслям.

В комнату зашла миссис Джонс, и урок начался. Дженни надеялась, что преподавательница скажет что-нибудь о сыне, но та говорила только о музыке. После урока Дженни немного помедлила в дверях, надеясь, что мистер Сантос выйдет вместе с ней, но его не было. Попрошавшись с преподавательницей, она отправилась на семинар в школу экономики, где просидела как на иголках, с трудом заставляя себя сосредоточиться.

Домой поехала на автобусе. Устроившись на свободном месте у окна, достала из сумки планшет и набрала в поисковике слова «Риккардо Сантос». И поразилась. Оказывается, он маркиз! Настоящий испанский маркиз! Сразу вспомнилось дурацкое пари с Клайвом. Он еще сказал, что ей никогда не встретиться с маркизом. А она встретилась! Да еще там, где ее самоуверенный братец и предположить не мог!

На сайтах было множество фотографий Риккардо, зачастую не в одиночестве, а с разного рода красотками, такими же, как он, испанскими аристократками. От одного вида его увешанной фамильными драгоценностями бабушки, такой гордой, такой надменной, глядящей прямо на нее суровым взглядом, Дженни бросило в дрожь.

Пари стало казаться глупой детской шалостью. Ей никогда не привлечь внимание такого человека, как маркиз Сантос. А жаль. Он первый из мужчин, который ей по-настоящему понравился.

Какая она глупая! Почему она решила, что Риккардо смотрел на нее с особым значением? Это все ее фантазии. Постоянно они уведут ее не туда. Или, возможно, он на нее так смотрел, потому что она показалась ему странной? Нелепой? Он же привык к богатым красоткам, одетым в наряды от лучших кутюрье мира, возможно, ее простецкие джинсы показались ему малопримечательными? Ну, тогда это его проблемы. Ей стыдится нечего, в этой стране она как все. Дженни тихонько вздохнула. Хотелось бы ей быть богатой, красивой и уверенной в себе. Но чего не дано, того не дано.

На автопилоте пришла домой, думая только о Риккардо.

Если он такой богач, почему его мать живет в обычном среднестатистическом коттедже? Конечно, он удобный и просторный, но мать аристократа должна жить в красивом замке. Из потемневшего от времени камня, с геральдическими флагами на башнях.

Дженни смущенно засмеялась, поймав себя на беспочвенных выдумках. Вот, опять! Ну, что она знает о жизни испанской знати? Может быть, миссис Джонс сбежала от своего мужа, потому что он застал ее с любовником?

Рассердившись на саму себя за такие идиотские фантазии, Дженни погрозила себе в зеркало кулаком и скорчила зверскую гримасу. Ей надо книжки в стиле фэнтези писать, только вот вряд ли это у нее получится. Писательский труд требует таланта и усердия, а у нее нет ни того, ни другого.

Перекусив, принялась за занятия. Внезапно в ее голову пришла поразительная мысль, и она замерла, не видя в учебнике ни строчки. Почему Риккардо снова оказался у дома миссис Джонс в одно время с ней? Это совпадение? Почему-то в банальное совпадение ей не верилось. Очень хотелось думать, что он оказался там из-за нее. Воображение тотчас нарисовало ей радужную картинку их отношений – он приглашает ее в Ковент-Гарден на оперу, она мило соглашается. Они сидят в партере, он держит ее за руку. Интересно, какую оперу они слушают?

Опомнившись, Дженни рассмеялась. Ну, что ей делать со своим буйным воображением?

Вздыхнув, попыталась вновь вникнуть в тему. Почему-то именно сегодня кресло, на котором она обычно учила уроки, было на редкость неудобным. Поерзав на нем, она перешла на диван, но и там не смогла устроиться поудобнее. Попыталась сосредоточиться на заданной теме. Прочитав учебник раз десять, поймала себя на все тех же глупых мыслях и рассердилась.

Хватит! Они с мистером Сантосом все равно больше не увидятся, поэтому она должна выкинуть его из головы! Он для нее слишком хорош.

Но от этой неприятной мысли ее чувство собственного достоинства тут же восстало. Нет, не так! Это она слишком для него хороша! Она умная, талантливая, красивая, а он? Какой-то там испанский аристократишка! Да у него наверняка уйма пороков! И кровь дурная, в Испании же близкородственные браки среди аристократов считаются нормой жизни.

Но попытка улучшить настроение, умаляя достоинство Риккардо, не удалось. Вздыхнув, Дженни признала, что он очень хорош. Но что делать, не судьба!

Отвлекая от занятий, требовательно зазвонил сотовый телефон. Дженни автоматически нажала кнопку ответа, не глядя на дисплей. В это время ей обычно звонила сестра, поболтать. У Джессики всегда наготове уйма самых разных новостей, которыми она готова поделиться со всеми, кто выказывал хоть малейшую готовность ее слушать. Рассеянно произнесла «алло», и замерла, услышав глубокий мужской голос.

– Добрый вечер, Дженни! Не пугайтесь, пожалуйста, это Риккардо Сантос.

Она не сразу смогла ответить. Почему-то язык стал таким неповоротливым, что она не с первой попытки смогла выговорить:

– Добрый вечер. Вам дала мой телефон миссис Джонс?

В трубке послышался глухой смешок.

– Конечно, нет. Я и не думал обращаться к ней с такой просьбой. В Англии это показалось бы очень странным.

– Но тогда откуда вы его узнали?

– Мне его сообщили в вашей школе экономики.

Дженни поразила. Разве в учебном заведении можно давать телефоны учащихся? Почему-то она думала, что нельзя. Будто услышав ее мысли, Риккардо подтвердил:

– Конечно, они не дают номера телефонов учащихя всем желающим. Но мои люди умеют быть убедительными.

Дженни была разочарована. Его люди? Он дал поручение раздобыть ее телефон своей секретарше?

– Давайте сходим куда-нибудь, Дженни. Вы давно знаете мою мать, поэтому и я для вас не совсем чужой человек. Вести себя буду очень прилично, обещаю, – его ласкающий голос походил на голос ободряющего Еву библейского Змия.

Это сон или опять разыгралась ее буйная фантазия? Дженни ущипнула себя за руку. Больно. Значит, не сон и не фантазия. Исполнение желаний? Она же пообещала брату познакомиться с настоящим маркизом. Но к добру ли подобное чудо? И почему Сантос пообещал ей вести себя прилично? Он что, привык вести себя неприлично? Сомнений было много, но отказаться от заманчивого предложения не было сил, и она согласилась.

– Хорошо. Но куда?

Она надеялась на поход в театр, пусть не сегодня, спектакль уже начался, но, может быть, завтра?

– Давайте сходим в ресторан. Если честно, я жутко хочу есть.

Дженни враз спустилась с небес на землю. Ему просто не с кем пойти перекусить, вот он и приглашает ее! Что концы с концами не вяжутся, и что для этого ему ни к чему разыскивать спутницу с помощью секретарши, ей в голову не пришло. Вяло согласилась:

– Давайте. Но только в какой-нибудь попроще. Лучше китайский. – В ее представлении китайский ресторан был синонимом демократизма. – У меня нет вечернего платья для помпезного ресторана.

Риккардо обрадовался.

– Я заеду за вами приблизительно через полчаса, ваш адрес я знаю. Вы успеете собраться?

Дженни пообещала подготовиться за это время, и он отключился.

Еще никогда она не наряжалась на свидания с таким трепетом и тщательностью. Да и какие у нее были свидания? Так, встречи с ровесниками, друзьями противоположного пола, только и всего. Ей даже платья-то надевать не приходилось, в пабах они смотрелись бы чужеродно. Джинсы и футболка, вот ее обычные вечерние наряды.

Теперь же за такое короткое время нужно было привести себя в приличный вид. Когда мама собиралась пойти куда-нибудь с отцом, она тратила на это полдня. Но теперь на великосветские сборы времени не было.

Дженни стремительно переделась в свое единственное приличное платье, которое ей сшили к выпускному вечеру в ее средней школе на севере Йоркшира. Оно было простовато для модного ресторана, но для китайского сойдет. Распустила по плечам волосы, хорошо смотревшиеся на сером, в цвет ее невыразительных глаз, шелке. Она порадовалась, что утром вымыла волосы и они переливаются в свете уходящего солнца. Пышная юбка открывала стройные ноги и точеные колени, на ее неприятный взгляд, очень даже неплохие. Накрасила розовой помадой губы и посмотрела на себя в зеркало.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.